

Глава шестая

ПАМЯТНИКИ РАННЕБОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Кочевники-болгары — один из евразийских народов, чье имя связано с эпохой великого переселения народов. Одна из ветвей этого некогда единого этноса, переселившись во второй половине I тысячелетия н. э. в Волго-Камье и освоив этот регион, создала здесь одно из крупнейших раннефеодальных государств Восточной Европы — Волжскую Болгарию.

Долгое время считалось, что освоение Среднего Поволжья ранними болгарами происходило во второй половине VIII — IX в. Именно этим временем датируются грунтовые могильники типа Больше-Тарханского и Кайбельского, материалы которых ранее связывались с самой первой миграционной волной болгарских племен.

В течение двух последних десятилетий самарскими археологами в Среднем Поволжье выявлены новые типы памятников второй половины VII — VIII в., материалы которых позволяют рассматривать их как древнейший археологически зафиксированный пласт кочевников-болгар (праболгар) в Восточной Европе. Это курганные и грунтовые могильники с каменными набросками над погребениями (Рождественский III, Новинковские I и II, Бруснянский II, Шелехметский и др.), а также курганы с земляными насыпями и ровиками под ними (Бруснянский III, Уреньский II, Старомайский и др.) в Самарской и Ульяновских областях. Исследования этих памятников позволяют по иному взглянуть на этнокультурные процессы, происходившие в регионе накануне образования государства волжских болгар (табл. 1).

Изучение памятников раннеболгарского времени на территории Самарского Поволжья началось с 20-х годов нашего столетия. В 1920 г. профессор Самарского университета П. А. Преображенский открыл на Самарской Луке в 4,5 км к западу от с. Рождествено курганный комплекс, впоследствии получивший название Рождественского III могильника. В следующем году группа слушателей высших этнолого-археологических курсов при Самарском университете под руководством В. В. Гольмстен выявила еще две курганные группы между селами Рождествено и Новинки (Новинковские I и II могильники) и произвела раскопки двух курганов в одной из них и трех курганов — в другой. Бедность погребального инвентаря в значительной степени затрудняла атрибуцию и датировку исследованных погребений. Результаты раскопок остались неопубликованными, материалы, полученные в процессе исследований хранятся в фондах Самарского историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина.

После отъезда В. В. Гольмстен из Самары исследования в области надолго прекратились. Лишь после Великой Отечественной войны отряд Куйбышевской археологической экспедиции института истории материальной культуры, работавшей в зоне затопления Куйбышевского водохранилища, сосредоточил свои работы на северо-западе Самарской области. В 1952 г. Н. Я. Мерпертом в кургане эпохи бронзы у с. Хрящевка было раскопано погребение

ние VIII—IX вв. (Мерперт Н. Я., 1954, с. 126—129).

В 1970 г. Средневожская археологическая экспедиция Самарского университета под руководством Г. И. Матвеевой исследовала 3 кургана в Рождественском III могильнике. Результаты этих работ были опубликованы Н. Г. Рутто (Рутто Н. Г., 1975, с. 120). К сожалению, погребения были разрушены, а инвентарь их крайне беден, поэтому точно определить их культурную принадлежность и датировать не удалось. Той же экспедицией был исследован курган в 2 км к востоку от с. Новинки (Матвеева Г. И., 1975, с. 115).

В том же году отряд экспедиции ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР под руководством М. Г. Косменко во время обследования местонахождения каменного века у д. Малая Рязань вскрыл грунтовое погребение с каменной закладкой, сопровождавшееся бронзовой серьгой, подвеской из раковины-каури и стилетовидным предметом с волютообразным навершием.

Несколько раннеболгарских погребений было выявлено за пределами Самарской Луки. В 1969 г. во время строительных работ на 116 км в г. Куйбышеве было обнаружено погребение VIII—IX вв., сопровождаемое саблей, наконечниками стрел, удилами, стремянами и поясным набором (Матвеева Г. И., 1976, с. 33—39).

Другая интересная находка была обнаружена И. Б. Васильевым во время раскопок кургана эпохи бронзы у с. Васильевка Кошкинского района. Впущенное в курган погребение было ориентировано на северо-восток и сопровождалось стилетовидным предметом с волютообразным навершием. Комплекс был опубликован И. Н. Васильевой (Васильева И. Н., 1979, с. 213, 235).

Два погребения IX в. были обнаружены в 1975 г. на дюне у разъезда с. Немчанка Борского района (Матвеева Г. И., 1977, с. 52—56). Сабля с серебряным навершием и серебряный поясной набор находит ближайšie аналогии в Больше-Тиганском могильнике в Татарстане. Есть основание полагать, что немчанские захоронения, а также погребение, открытое на 116 км, принадлежат угорским племенам, продвинувшимся в Среднее Поволжье из Приуралья.

В 1977 г. Северный отряд САЭ под руководством Л. Н. Жигулиной исследовал в Ставропольском районе в кургане эпохи бронзы два впускных погребения IX—X вв, имеющих некоторые общие черты с погребениями Больше-Тарханского могильника. Материалы этих погребений были опубликованы И. Н. Васильевой (Васильева И. Н., 1979, с. 52—56).

В 1978—1979 гг. САЭ Самарского университета произвела раскопки двух курганов Рождественского III могильника, где было вскрыто 5 погребений (Матвеева Г. И., 1995).

Наиболее масштабные работы той же экспедиции под руководством Г. И. Матвеевой и В. Н. Зудиной были сосредоточены в 1980—1981 гг. на Новинковском II курганном могильнике, где было вскрыто 20 курганов и исследовано свыше 60 погребений. Анализ краниологического материала из этого могильника был произведен Н. М. Рудь, которая отметила брахикранный, в целом, европеоидный тип погребенных с небольшой монголоидной

примесью (Рудь Н. М., 1987, с. 136—154). В те же годы Г. И. Матвеевой исследовано 5 погребений Шелехметского курганно-грунтового могильника. Наличие каменных закладок в заполнении могил, поза и ориентировка погребенных, а также погребальный инвентарь сближают эти погребения с подкурганными захоронениями Новинковского II и других могильников Самарской Луки (Матвеева Г. И., 1976, с. 191).

В 1984 г. во время раскопок городища Лбища Г. И. Матвеевой было исследовано два грунтовых погребения с северо-восточной ориентировкой, отнесенных к кругу раннеболгарских памятников.

В 80—90-х годах разведочными отрядами САЭ было выявлено около двух десятков могильников, курганы которых содержали большое количество камней в насыпях. Судя по внешнему виду, они аналогичны Новинковскому II, Брусянскому II и другим раннеболгарским могильникам.

Первые итоги исследований курганных могильников Самарской Луки были подведены в книге И. Б. Васильева и Г. И. Матвеевой “У истоков истории Самарского Поволжья”. Г. И. Матвеева по наиболее исследованному могильнику у с. Новинки выделила новинковский тип памятников, который связывала с первой болгарской миграционной волной, проникшей в Среднее Поволжье во второй половине VII в. после распада Великой Болгарии (Васильев-И. Б., Матвеева Г. И., 1976, с. 160—161).

В 1986—1989 гг. отряд САЭ СГУ под руководством Р. С. Багаутдинова проводил раскопки курганных могильников на р. Урень (левый приток Волги) в Старомайском районе Ульяновской области. В могильнике Урень II из 5 раскопанных курганов 3 были раннеболгарскими. В Старомайском I курганном могильнике, состоящем из двух курганов раскопан один раннеболгарский курган. Насыпи всех курганов были земляными и не содержали камней, под насыпями находились кольцевые или прямоугольные ровики (Багаутдинов Р., Набоков А., 1993 с. 13—18).

В 1988 г. на Самарской Луке А. В. Богачевым и С. Э. Зубовым были начаты раскопки Брусянского II могильника. Под 9 курганами с каменными набросками было исследовано 13 захоронений. В 1989 г. исследование памятника было продолжено — под четырьмя насыпями было расчищено 19 погребений.

Уже эти первые материалы позволили авторам интерпретировать памятник как раннеболгарский новинковского типа и датировать его второй половиной VII — первой половиной VIII в. (Богачев А. В., Зубов С. Э., 1989; Богачев А. В., Зубов С. Э., 1993, с. 19—41).

В 1990 г. А. В. Богачевым и С. Э. Зубовым были произведены раскопки 5 курганов (20 погребений) Малорязанского могильника, материалы которого дали возможность авторам поставить его в один ряд с памятниками новинковского типа и датировать в пределах конца VII — первой половины VIII в. (Богачев А. В., Зубов С. Э., 1990, S. 92—94; Богачев А. В., Зубов С. Э., 1991).

В 1991 г. раскопки Бруснянского II могильника были возобновлены А. В. Богачевым, Р. С. Багаутдиновым и С. Э. Зубовым — было исследовано 11 курганов (30 погребений).

В 1993 г. теми же исследователями велись работы на Бруснянском III могильнике — было раскопано два кургана из шести. Материалы одного (с камнями в насыпи), вероятно, следует рассматривать как раннеболгарские (новинковские). Конструкция другого (большой подпрямоугольный ровик, далеко выступающий за полы земляной насыпи) дает основания для сопоставления его с аналогичными раннеболгарскими курганами, исследованными в Ульяновском Поволжье (Урень II и др.). В том же году отряд экспедиции Самарского государственного педагогического университета под руководством В. Н. Мышкина исследовал курган 7 Осиновского курганного могильника, где было обнаружено мужское погребение, сопровождавшееся частью лошадиной туши (Богачев А. В., Мышкин В. Н., 1995).

Отрядом САЭ СГУ под руководством М. С. Седовой в Шелехметском курганно-грунтовом могильнике было вскрыто 8 грунтовых погребений, обряд и инвентарь которых находят аналогии в подкурганых и грунтовых погребениях новинковского типа (Седова М. С., 1995). В 1994 г. Р. С. Багаутдиновым были раскопаны два кургана, расположенные к западу от вышеупомянутых грунтовых погребений у подножья Львовой горы. Под насыпью одного из них было выявлено 4 погребения, под насыпью второго — одно, разрушенное и ограбленное. Им же был исследован один из курганов Новинковского III могильника, расположенного у восточной окраины с. Новинки (Багаутдинов Р. С., 1995).

В 1994 г. А. В. Богачевым и С. Ф. Ермаковым было исследовано 7 погребений в двух курганах Бруснянского II могильника, материалы которых подтвердили ранее сделанный вывод о хронологии и культурной принадлежности памятника.

В 1992—1994 гг. раскопки Новинковского I могильника проводились экспедицией Самарского историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина под руководством Д. А. Сташенкова. В пяти раскопанных курганах исследовано 16 погребений, а также 2 грунтовых погребения, находившихся за пределами курганых насыпей.

Следует отметить, что во время раскопок селища Ош-Пандо-Нерь близ с. Шелехметь и Гундоровского поселения на р. Сок были обнаружены вещи, аналогичные найденным в курганах новинковского типа: стилетовидные предметы с волотообразным навершием, серьги салтовского типа, фрагменты лепных сосудов, аналогичных новинковским.

Таким образом, за два последних десятилетия в Самарской и Ульяновской областях исследовано около 300 погребений раннеболгарского времени (табл. 2). Они делятся на три группы: 1) погребения под каменно-земляными насыпями, 2) погребения под земляными насыпями, 3) грунтовые погребения без курганых насыпей.

Наиболее многочисленна первая группа. Все курганы с известняковыми камнями в насыпях находятся на Самарской Луке, главным образом, в южной ее части. Они располага-

ются на высоких надпойменных террасах, откуда открывается вид на Волгу. Какой-то системы в расположении курганов нет.

Курганы имеют округлую или овальную форму. Их диаметры от 3 до 15 м, высота от 0,14 до 1,3 м. Характерной особенностью этой группы является наличие в насыпях большого количества известняковых камней различных размеров: от мелких (0,1х0,1х0,1 м) до очень крупных (1,2х1,5х1,5 м). Иногда вокруг курганов прослеживаются неглубокие ровики.

Мощность насыпей раскопанных курганов составляла 0,3—0,8 м. Насыпи состояли из рыхлых черноземов или гумусированной супеси.

Сверху насыпи были обложены камнями. Характер каменных обкладок неодинаков даже в пределах каждого из известных могильников. Можно выделить следующие типы обкладок: 1) в виде сплошного щита-панциря, покрывающего весь курган вне зависимости от числа находящихся под ним погребений, 2) обкладки из камней, лежащих разреженно, 3) мощные наброски из камней непосредственно над погребениями, 4) прямоугольные каменные оградки вокруг погребений.

В насыпях и под ними на уровне погребенной почвы встречаются зубы, кости, резе черепа и конечности лошадей, пятна прокала от кострищ. Вероятно это остатки поминальных тризн.

Под насыпями находилось от 1 до 12 погребений. Иногда прослеживается определенный порядок в их расположении: по окружности вокруг центрального захоронения или в 1—2 ряда параллельно центральному захоронению.

Форма могильных ям определена лишь в тех случаях, когда погребения были углублены в материк. В Новинковском II могильнике форму удалось определить в 64% погребений, а в Брусянском II в 50%. Формы могильных ям различны. Среди них преобладали прямоугольные (иногда с закругленными углами). В Новинковском II могильнике они составляют 66,4%, в Брусянском II — 78% от числа прослеженных могил. Реже встречаются могильные ямы овальной формы (в Новинковском II 28%, в Брусянском II — 22%). В Новинковском II были 2 могилы неправильной формы.

Конструкции могил также различны: преобладают простые ямы с отвесными стенками и ровным дном (43% в Новинковском II и 93% в Брусянском II могильниках). Могилы со ступеньками в одной из длинных стенок в Новинковском II составляют 43%, в Брусянском II — 4%. В Брусянском II могильнике обнаружены могилы с подбоями в обеих коротких стенках (менее 1%). Встречаются могилы с подбоями в одной из длинных стенок (18% в Новинковском II и около 2% в Брусянском II). В ряде случаев в заполнениях могил были выявлены остатки деревянных плах, принадлежавших к перекрытиям могил.

Длина и ширина могил в большинстве случаев зависела от роста и телосложения погребенного, однако, в Новинковском II могильнике погребальные камеры центральных в курганах погребений имели довольно большие размеры (до 3,5х2,5 м). Видимо, глу-

бина могил зависела от социального статуса и половозростных особенностей погребенных.

Подавляющее большинство погребений одиночные, лишь одно погребение Брусянского II и четыре Новинковского II могильников были парными.

В Брусянском II могильнике около половины погребений содержали скелеты, большинство костей которых находились в анатомическом порядке. В десятой части погребений костяки были разрушены и кости собраны в кучу. В таком же количестве могил кости были беспорядочно разбросаны по дну могилы. Около четверти скелетов были нарушены частично, т. е. в сильно потревоженном состоянии находились кости верхней части скелета. Около 10% могил не содержали человеческих костей. Все они, за исключением одной (кенотафа) имели нормальные размеры.

Во Новинковском II могильнике за исключением четырех все погребения взрослых были потревожены: в 8 случаях были нарушены только кости грудной клетки или верхние части костяков, в 11 случаях человеческие кости были разбросаны по дну могильной ямы, в 7 случаях они лежали в куче в подбое или в другой части могилы. В 7 могилах человеческие кости отсутствовали. Большинство детских костяков имели очень плохую сохранность, поэтому судить о положении костей часто невозможно.

Разрушение костяков видимо совершалось с ритуальными целями обезвреживания покойника.

В тех случаях, когда можно было определить положение погребенных, костяки лежали вытянуто на спине (в Брусянском II могильнике — 92%, в Новинковском II — 100%). В Брусянском могильнике 8% процентов погребенных лежали с небольшим разворотом на бок. Головой на восток было обращено 39% погребенных в Новинковском II и 40% в Брусянском могильниках, на северо-восток соответственно 10% и 41,9%, на север 36% и 2,3%, на северо-запад 6% и 6,7%, на запад 6% и 4,5%. Южную и юго-восточную ориентировку имели по 1% погребений Брусянского II могильника.

Кости ног всех непотревоженных костяков в Новинковском II и 14% в Брусянском II могильниках находились столь близко друг от друга, что создается впечатление преднамеренного связывания ног покойного. Руки у более чем половины костяков (58%) в Брусянском II и у 50% в Новинковском II могильниках были вытянуты вдоль тела, соответственно у 35% и 50% одна рука была согнута в локте и кисть ее находилась на костях таза. Иногда стопы и кисти рук погребенных были отчленены.

За исключением четырех двойных погребений в Новинковском II могильнике все погребения были одиночными.

Около пятой части всех погребений (19%) содержали угольки. В одном случае (Осиновка), все дно могилы было усыпано слоем угля. Около 2 — 13% погребений содержали кусочки мела. 20% захоронений содержали кости животных. Из них в двух погребениях были найдены конские (жеребятчи) черепа, а в одном (Осиновка) — на ступеньке в

анатомическом порядке лежали кости задней части лошади. В 7% могил кости человеческого скелета несли следы сильного воздействия огня. Одно погребение Шелехметского курганно-грунтового могильника совершено по обряду кремации. Кальцинированные кости лежали на каменной выкладке в центре могильной ямы.

В 70% погребений был найден погребальный инвентарь, в 40% — керамика (как в виде отдельных фрагментов, так и целых форм). В состав погребального инвентаря входили предметы вооружения, конской сбруи, быта, поясные наборы и другие детали костюма, украшения, сосуды.

Другая обрядовая группа ранних болгар представлена погребениями под курганами с земляными (без содержания камней) насыпями. Это могильники Урень II, Шиловский, Старомайинский в Ульяновской области, а также Брусаянский III могильник в Самарской области.

Насыпи курганов этой группы имели округлую в плане форму диаметром 18—40 м, при высоте 0,25—3,0 м. В насыпях некоторых курганов были зафиксированы остатки деревянных сооружений и столбиков.

Одной из особенностей этой разновидности погребальных сооружений является наличие подпрямоугольных (80%) или округлых (20%) в плане ровиков. Как правило, земляные насыпи перекрывали ровики. Однако в одном случае зафиксирован ровик вокруг погребения, расположенного за полем кургана (Урень II, курган 4). Под курганом Брусаянского III могильника прослежен прямоугольный в плане ровик, половина которого далеко выходила за границы курганной насыпи.

Все подпрямоугольные ровики были ориентированы вдоль оси СЗ—ЮВ. В заполнении ровиков были найдены угли, кости животных (в том числе, конские черепа и зубы) и фрагменты керамики.

Под насыпями курганов находилось не более двух погребений. Могилы имели овальную или подпрямоугольную в плане форму, соразмерную с ростом погребенного. Лишь погребение в кургане 1 Брусаянского III могильника совершено в могиле круглой в плане формы диаметром 5 м.

Длинные оси подпрямоугольных и овальных могил были вытянуты вдоль линии СЗ—ЮВ (иногда с отклонениями). Углубленные в материк могильные ямы имели простую (с вертикальными стенками и плоским дном), подбойную и катакомбную конструкции.

Большинство костяков в погребениях было разрушено (в результате ограблений²). Не исключена возможность ритуального повреждения костяков. Там, где были обнаружены неповрежденные части костяков, можно установить, что погребенные лежали вытянуто на спине головой на северо-запад. В погребениях найдены угли (иногда они слоем лежали на дне могил).

В погребениях найдены кости животных (в том числе черепа и конечности лошадей), размещавшиеся в нише у головы погребенного и в подбоях).

Захоронения содержали также керамику и предметы быта.

Несколько особняком в этой группе стоит погребение из кургана Бруснянского III могильника. На уровне выкида у южного края могилы был расчищен скелет коня, кости которого лежали в анатомическом порядке. Над могилой было перекрытие в виде накатника из бревен, пробитого в центре грабительской воронкой. В полукруглой в плане погребальной камере диаметром 5 м был прокопан ровик-канавка, углубленный в пол на 0,5 м, что создавало эффект приподнятости центральной части дна погребения, где размещались кости человеческого скелета. На дне могилы были прослежены отпечатки ткани бордового цвета, устилавшей весь подиум. На дне могилы были найдены угли.

Кости человеческого скелета лежали в куче на дне могилы. Там же найдены предметы погребального инвентаря: амфора, принадлежности конской упряжи (бляха-решма, удила, пряжки и бляшки от сбруи), предметы вооружения (наконечники копья, кистень) и быта (подсвечник-шандал, игральная кость).

Особенности погребального обряда и характер инвентаря свидетельствуют о том, что погребенный здесь человек отличался особым социальным статусом.

Погребальный инвентарь

Поясные наборы (табл. 7) представлены, главным образом, в мужских погребениях.

Пояс кочевника в эпоху раннего средневековья являлся частью военной амуниции. К нему при помощи разного рода ремешков крепились мечи, сабли, кинжалы, колчаны, входившие в своеобразный определенный комплект воина-дружинника.

Помимо пряжки и наконечника поясной набор украшался разного рода бляшками-накладками, количество которых определяло статус воина в социальной структуре кочевнических армий: “моя гордая доблесть, мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками-украшениями” (Малов С. Е., 1952).

Поясная гарнитура праболгар Среднего Поволжья представлена пряжками, накладками и наконечниками.

Пряжки (по способу крепления рамки со щитком) были цельнолитыми и шарнирными. Рамки имели форму овала, утолщенного спереди и как бы срезанного сзади, или подпрямоугольно-трапецевидные формы. Передняя лицевая часть рамок имела ложе (“губы”) для устойчивой фиксации язычка. Железные рамчатые пряжки (в отличие от бронзовых и серебряных) имели подпрямоугольную или округлую в плане форму. В щитке цельнолитых пряжек в месте их соединения с рамкой и параллельно задней стороне рамки делалось внутреннее сквозное отверстие, в которое просовывался тонкий железный стерженек. На этом стерженьке (в месте выреза в щитке) крепился свободно вращавшийся язычок. На

таком же стержне крепились все элементы (рамка, язычок, щиток) шарнирных пряжек. В материалах Малорязанского и Бруснянского II могильников имеются псевдошарнирные (когда шарниры обозначены только как элемент художественного оформления декора изделия) цельнолитые пряжки. Рамки пряжек иногда украшал литой спиралевидный орнамент. Единжды встречена гофрированная рамка.

Щитки пряжек в плане имели форму вытянутого прямоугольника со скругленным концом или форму полуовала (полукруга). В углах и на конце щитков имелись сквозные отверстия, в которых закреплялись металлические шпеньки. Другой конец этих шпеньков пробивал кожаную основу пояса и загибался. Таким же образом к ремням крепилась значительная часть раннеболгарских наконечников и накладок.

В основании всех сохранившихся язычков имелось отверстие, которое позволяло им держаться на стерженьке. Все язычки нависали над рамкой и имели массивный вид. Они отливались как самостоятельная деталь пряжки, но известен случай изготовления язычка посредством отливки и дальнейшего соединения двух симметричных его половинок. Причем, в этом случае обе половинки язычка были украшены литым спиралевидным орнаментом. В основании одного язычка имелось “гнездо” — ячейка для вставки драгоценного камня. Таким образом, литой орнамент мог украшать язычок, рамку и щиток пряжек того времени. Помимо спиралевидного и растительного орнамента (очень распространенных в ту эпоху), на щитке одной пряжки из Новинковского могильника была отлита сюжетная композиция — кошачий хищник, преследующий оленя (передний план), дерево (задний план).

На праболгарских могильниках Среднего Поволжья изучено две разновидности поясных наконечников: наконечник-окончание основного пояса, проходивший через рамку пряжки (в данном случае рамка пряжки всегда соотносима с шириной наконечника); наконечники подвязных (вспомогательных) ремешков, свисавших с пояса-основы.

Первые представляли собой толстую подпрямоугольную скругленную на одном конце литую пластину, украшенную литым же растительным (в виде причудливо переплетенных веток и листьев), прорезным или выгравированным орнаментом. Нередко на тыльную сторону ремня крепилась еще одна пластина, повторяющая по форме лицевую, в результате чего ремень оказывался зажатым между двух склепанных пластин.

Вторая группа наконечников (малых) представлена двумя экземплярами из погребения 1 кургана 2 Бруснянского II могильника. Их морфология восходит к формам поясных украшений геральдического типа, т. к. они имеют сердцевидные (гербовидные) окончания. Наконечники эти, в отличие от первых, не массивные, так как изготовлены методом штамповки. На их лицевой поверхности отштампован орнамент в виде двух цветочных розеток. К ремню они крепились при помощи петелек, что более характерно для ряда изделий геральдического типа.

Поясные накладки представлены различными в плане формами: квадратные, полуовальные, подковообразные и т. д. Некоторые из них были штампованные, но большинство —

литые; многие имели бортик-закраину. Более половины накладок имели прорези, сквозь которые должна была прсматриваться яркая основа пояса, а отверстия в нижней части накладок служили для продевания в них подвязных ремешков. К ремню накладки крепились разными способами: 1) при помощи шпеньков, закрепленных в отверстиях накладок; 2) при помощи шпеньков, напаянных на внутреннюю поверхность накладок; 3) при помощи внутренних шпеньков задней и лицевой пластин, между которыми закреплялся сам ремень.

Практически все праболгарские накладки в регионе относятся к разновидности “прорезных” (в Прикамье их обозначают как “неволинские”), имеющих геометрические формы. Однако, в этих же материалах встречены единичные экземпляры накладок геральдического типа. В частности в погребении кургана 7 Новинковского II могильника была найдена архаичная мечевидная накладка, криволинейные очертания которой в совокупности с характером ее крепления и другими особенностями ее морфологии позволяют отнести ее к разряду геральдических.

Анализ морфологии поясных украшений является определяющим в плане датировки праболгарских памятников Среднего Поволжья.

Оружие (табл. 8). Мужские захоронения ранних болгар содержали оружие. Поскольку в эпоху раннего средневековья предметы вооружения представляли большую ценность, постольку при ограблении могил современниками праболгар, мечи, сабли и проч. изымались из захоронений с неменьшим желанием, чем изделия из драгоценных металлов. В этой связи наши знания о комплексе раннеболгарского вооружения не полны. Вместе с тем, имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют думать, что набор вооружения болгарского дружинника был достаточно разнообразным.

Рубяще-колоущее оружие представлено двумя саблями из Новинковского II могильника. Одна сабля имела слабо изогнутый клинок, слегка скошенную в сторону лезвия рукоять и перекрестие с ромбовидным расширением в середине. Другая имела прямой однолезвийный клинок, прямую рукоять и брусковидное перекрестие (табл. 8, 10, 11).

Наконечник копий с узким ромбическим в сечении пером и широкой втулкой по длине примерно равной перу. Все наконечники копий, происходящие из разных могильников (Брусянских II и III, Новинковского II) достаточно однотипны.

Набор воина-лучника представлен костяными накладками (серединными и концевыми) на сложносоставной “гуннский” лук, железными колчанными крючками и наконечниками стрел. Последние представлены железными черешковыми (средних и крупных размеров) и плоскими двурогими (срезными) экземплярами, а также костяными черешковыми (трехгранными и уплощенными в сечении) наконечниками.

Единственным экземпляром из кургана 1 Брусянского III могильника представлены кистени. Кистень имел шарообразную бронзовую оболочку изнутри залитую свинцом, что прида-

вало оружию значительный вес при достаточно малых размерах (диаметр 36 мм, высота 34 мм). Сквозное отверстие диаметром 5 мм на входе и на выходе было украшено восьмилепестковыми розетками. Внутри отверстия находился кожаный фрагмент плетеного ремня, соединявшего кистень с рукоятью.

Конское снаряжение (табл. 9, 10). Удила были найдены как в насыпях курганов, так и в погребениях. В настоящее время известно несколько разновидностей удил: 1) простые без псалнев; 2) со стржевидными псалиями; 3) с кольцевыми псалиями; 4) с S-видными псалиями.

Стремена праболгар имели арочную форму. По характеру оформления верхней части, стремяна подразделяются на две группы: 1) с петлей, когда отверстие для крепления ремней изготавливается путем проковки верхней части стремени в незамкнутый петлеобразный прогиб; 2) с ушком, когда верхняя часть стремени прокована в плоскую площадку, средняя часть которой прорезана подпрямоугольным горизонтальным отверстием для ремня.

Путовые пряжки, изготовленные из кости были найдены лишь в погребении 1 кургана Осиновского I могильника в непосредственной близости от конского костяка. Они были плоскими трапецевидной формы с подпрямоугольным щелевым отверстием параллельным длинным сторонам упряжи.

Украшения конской сбруи были найдены в кургане 1 Брусянского III могильника. Бляха-решма состояла из двух склепанных между собой по окружности пластин округло-листообразной формы — железной (задней) и золотой (лицевой). Последняя была прорезной — прорезы подчеркивали орнамент в виде листьев и веток. У основания бляхи (в месте, противоположном приостренному концу) была петля для крепежного ремешка. К ремешку, судя по расположению рядом с бляхой, крепилась небольшая цельнолитая пряжка и вытянуто-приостренный наконечник ремешка с “ушками” для крепления.

Серебряные бляшки округлой, подпрямоугольной и подтреугольной формы, большие позолоченные сложнофигурные прорезные бляхи, а также прямоугольные рамчатые пряжки входили в набор упряжи коня из кургана 1 Брусянского III могильника, но были сложены отдельно от конского костяка.

Орудия труда (табл. 11). Целый ряд орудий труда на праболгарских могильниках Среднего Поволжья представлен единичными экземплярами вещей: железные кузнечные клещи, топор, мотыжка, плужный резак. Значительно чаще встречаются железные однолезвийные черешковые ножи, железные шилья, железные коробочки-игольники, квадратные и прямоугольные в сечении. Раннеболгарские плоские либо реповидные пряслица изготавливались из хорошо отмученной глины или из стенок гончарных толстостенных сосудов, в частности, амфор.

Предметы быта (табл. 12). Зеркала, представленные двумя экземплярами, были найдены лежащими под черепами в женских погребениях Малорязанского и Брусянского II могильни-

ка. Оба зеркала имели круглую форму. Рукояти зеркал, украшенные циркульным орнаментом, оканчивались округлым в плане утолщением. Фрагмент круглого зеркальца найден в одном из погребений Шелехметского курганно-грунтового могильника.

Стилетовидные булавки с волотообразными навершиями в женских погребениях находились в районе левого предплечья костяка (табл. 12, 3).

Пинцет был найден в районе кисти правой руки скелета (табл. 12, 5).

Сунаки — изделия из трубчатой кости, как правило происходят из детских захоронений (табл. 12, 4).

Железный подсвечник-шандал на трех ножках — атрибут кочевнической знати — был найден в комплексе инвентаря кургана 1 Бруснянского III могильника.

Игральная кость найдена в этом же погребении (табл. 12, 2).

Украшения и предметы одежды (табл. 13). Серьги (золотые, серебряные, бронзовые) — распространенный тип украшения ранних болгар. Наиболее многочисленны находки серег “салтовского” типа, имеющих вид незамкнутого кольца овальной или округлой формы, в нижней части которого припаяны (или нанизаны на стерженьке) разного рода привески (полье и цельнолитые шарики, трубочки, бусины и т. д.). Во впускном погребении 2 кургана 4 Новинковского II могильника найдены калачевидная серьга, серьга с многогранником на конце и серьга-лунница.

Браслеты изготовлены из бронзового дрота круглого или полукруглого сечения. Круглые в сечении браслеты иногда имеют расширяющиеся концы.

Встречаются подвески: полье бубенчики (с прорезью и без прорези), кольца с петелькой, подвески-ложечки и др.

Бусы довольно разнообразны: глазчатые, рубленные, полосатые, с выпуклыми глазками, мозаичные, синие стеклянные, посеребренные.

К предметам одежды относятся пуговицы и застежки. В материалах Рождественского III могильника представлены плоские литые золотые пуговицы. В погребении 1 кургана 2 Бруснянского III могильника найдены полусферические пуговицы с отштампованным орнаментом в виде розетки. Застежки бронзовые в виде стерженька с кольцевым углублением в середине и коническими навершиями на концах.

Посуда (табл. 14, 15). Данные раннеболгарских могильников позволяют говорить, что материалом для изготовления посуды кочевников служили дерево, кожа, металл (бронза) и глина.

Формы деревянных сосудов не сохранились, однако об их существовании можно судить по двум бронзовым обоймочкам (с остатками дерева), закреплявшимся на венчиках этих сосудов. Обоймочки происходят из Уреньковского II и Малорязанского могильников (табл. 15, 6). Костяное горлышко от бурдюка из Осиновского могильника — неотъемлемая деталь этой разновидности кожаной посуды (табл. 14, 1). Металлическая посуда представлена един-

ственным экземпляром — бронзовым стаканообразным сосудом из Осиновского могильника (рис. 14, 2).

Керамическая посуда делится на гончарную и лепную. Первая обычно встречается в погребениях взрослых, вторая преимущественно сопутствует детским захоронениям.

Гончарная посуда представлена амфорами и кувшинами.

Амфоры происходят из материалов Уреньского II (2 экз.) и Брусянского III могильника (1 экз.). Все они имеют яйцевидное тулово. Цвет поверхности — желто-коричневый или кирпичный. В формовочной массе примесь песка. На внешней поверхности одной из амфор имеется П-образная тамга, на другой — процарапана композиция из двух рисунков, в одном из которых угадывается силуэт оленя. Фрагменты ручек амфор найдены в насыпи кургана 9 Брусянского II могильника и в ровике кургана 1 Брусянского III могильника.

Гончарные кувшины так называемого “салтовского” типа найдены как в курганах с каменными кладками (Малая Рязань, Брусяны II, Осиновка), так и в курганах с земляными насыпями (Урень II). Все они имели раздутое приземистое (как бы срезанное в нижней части) тулово переходящее в узкое горло, имевшее четко обозначенный носик-слив, располагавшийся строго напротив ручки кувшина. Поверхность сосудов, как правило, серых оттенков тщательно залощена. Кувшины украшены горизонтальными каннелюрообразными бороздками близ горизонтали наибольшего расширения тулова и на переходе от тулова к горловине; пространство между этими полосами украшено сеткой неглубокого косо го лощения. В формовочной массе этих сосудов были мелкие примеси (растительные, песок). Вторая группа гончарных кувшинов имела несколько иные пропорции: диаметр наибольшего расширения тулова приходится на его верхнюю половину. На их поверхностях лощение отсутствовало.

Кувшины сформованы без применения гончарного круга и представлены двумя типами: 1) без ручек; 2) с ручками. Первые имели округлое тулово (диаметр наибольшего расширения приходится на его середину), невысокое горло, заканчивавшееся отогнутым наружу венчиком без носика-слива. Цвет поверхности — оттенки коричневого. В тесте — примесь песка и мелкого шамота. Орнамент отсутствует. Кувшины с ручками практически все подправлялись на гончарном круге. Поверхность их тщательно заглажена, но не залощена и имела цвет от серого до красного. В тесте — примесь мелкого шамота и песка. Тулово — округлобкое, горло широкое, иногда оформлено в виде трилистника. Лишь на одном кувшине этого типа был нанесен орнамент в виде спиралей. Один кувшин группы негончарных (курган 4 Брусяны II) стоит несколько особняком — его форма (округлобкий с невысоким горлом и отогнутым венчиком), низкие пропорции, крупные примеси (шамот), грубая обработка поверхности скорее напоминает раннеболгарские горшковидные сосуды. Однако наличие ручки и носика-слива позволяют рассматривать его в качестве особой разновидности кувшинов.

Миски (3 экз.) очень низких пропорций были найдены под насыпью кургана 8 Бруснянского курганного могильника. Одна из них, серо-коричневого цвета, имела высокое плечико и загнутый во внутрь венчик, тщательно залощенную поверхность, примесь мелкого шамота и мелкой белой крошки в тесте. Две другие миски, черного и коричневого цвета имели четко выраженное ребро-плечико, прямую шейку и утолщенно-приостренный, скошенный наружу венчик, тщательно залощенную поверхность, в формовочной массе — мелкие примеси (песок?).

Банковидный сосуд представлен единственным экземпляром из погребения 1 кургана 3 Малорязанского могильника. Он имел низкие пропорции и при отсутствии шейки и горловины, плавно загибающийся во внутрь венчик. Цвет сосуда — серый, в тесте примесь шамота.

Горшковидные сосуды сформованы без применения гончарного круга. Это плоскодонная посуда вертикальных пропорций с округлым туловом, четко выделенной шейкой и прямой или отогнутой наружу горловиной. Диаметр наибольшего расширения тулова приходится на середину или его верхнюю треть. Поверхность горшков не залощена, но лишь заглажена с разной степенью аккуратности. В формовочной массе присутствует шамот. Цвет керамики — различные оттенки серого или коричневого. Около половины горшков украшено защипами по краю венчика.

Хронология. Хронология раннесредневековых восточноевропейских древностей разрабатывается, главным образом, на материалах могильников, представленных закрытыми комплексами (погребениями) кратковременного накопления. В качестве инструмента для синхронизации территориально далеких памятников и культур используется достаточно ограниченный круг хронологически “чувствительных” серий вещей, среди которых особое место отводится фибулам, бусам, сергам и поясным наборам.

Хронология поясных украшений Среднего Поволжья эпохи раннего средневековья (в том числе и раннеболгарских) уже была предметом отдельного рассмотрения (Богачев А. В., 1992). Пряжки, накладки и наконечники поясов, найденные в погребениях Бруснянского II, Новинковского II, Малорязанского, Осиновского могильников датируются концом VII — первой половиной VIII в. и достаточно четко синхронизируются с аналогичными материалами из комплексов Верхнего Прикамья (Голдина Р. Д., 1970, Голдина Р. Д., 1979), Крыма (Айбабин А. И., 1982), Алтая (Гаврилова А. А., 1965), Северного Кавказа (Дмитриев А. В., 1982) — регионов, хронология раннесредневековых могильников которых исследовалась целенаправленно.

Вместе с тем, отдельные комплексы из Новинковского II (курган 7) и Бруснянского II (курган 2, погребение 1) могильников дали материалы, позволяющие несколько удревнить (до середины VII в.) нижнюю хронологическую границу этой группы раннеболгарских памятников. Основанием для этого явились накладки и наконечники поясов геральдического типа. Криволинейные (сердечковидные, гербовидные и т. д.) очертания геральдических украшений резко контрастируют с геометрическими формами (квадрат, полукруг, сегмент) прорезной (“неволинской” — в Прикамье, “катандинской” — на Алтае) гарнитурой конца VII —

VIII в. Датировка геральдических поясов: вторая половина VI — VII в. сегодня является общепризнанной. Геральдика из раннеболгарских комплексов Среднего Поволжья несет на себе поздние признаки морфологии этой разновидности поясных украшений. В частности, фигурное тиснение на изделиях геральдического типа — явление достаточно редкое, но имевшее место, в частности, в аварских материалах VII в. (Амброз А. К., 1971, с. 117—120). Вследствие этого, комплекс из кургана 2 Брусянского II могильника, где были найдены штампованные наконечники ремней с тисненым орнаментом в виде двух цветочных головок, мы склонны датировать серединой VII в. Этим же временем датируется золотая несомкнутая округлая серьга с пирамидкой из шариков в нижней части, которая происходит из этого же комплекса. Аналогичные серьги найдены в аварских материалах VII в. в Венгрии и Чехословакии (Амброз А. К., 1971, рис. 8, 2; Dekan G., 1976). На Северном Кавказе подобные изделия найдены в материалах конца VI — VII в. вместе с геральдическими накладками (Дмитриев А. В., 1982, с. 96).

Нельзя не отметить, что в Новинковском могильнике найдены серьги еще более архаичного облика: серьга-лунница, серьга-калачик, серьги с многогранником на конце. Самые поздние находки этих серег происходят из комплексов с геральдическими поясами первой половины VII в. (могильники: Кушнаренковский, Дюрсо, Варнинский и др.).

Все эти факты свидетельствуют в пользу того, что самые первые раннеболгарские погребения на этих могильниках были совершены в середине VII в.

Более сложен вопрос о поздней дате раннеболгарских погребений Среднего Поволжья. Дело в том, что время совершения безынвентарных захоронений (а именно они могут оказаться самыми поздними) установить не представляется возможным. Погребения же с инвентарем (судя по “салтовским” серьгам, прорезным поясам, глазчатым и полосатым бусам) однозначно датируются первой половиной VIII в. (12). Отдельные находки позволяют омолодить эту дату до третьей четверти VIII в. Таким временем датируются двусоставные шарнирные наконечники поясов из Осиновского и Новинковского могильников. Аналогичные им найдены, в частности, в комплексах неволинской стадии неволинской культуры Прикамья (Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990, табл. XXXV, 18—22) и в слоях середины и третьей четверти VIII в. Пенджикента (Распопова В. И., 1979, рис. 5, 18—19).

Таким образом, самые ранние раннеболгарские комплексы (с инвентарем) из могильников Среднего Поволжья можно датировать серединой VII — третьей четвертью VIII в.

К вопросу об этнокультурной интерпретации памятников.

В период расцвета Великой Болгарии хана Кубрата (первая половина VII в.) этноним сравнительно небольшой этнической группы болгар принимается другими союзными и, вероятно, родственными племенами. Именно это имя стало в дальнейшем общим для большого

объединения племен. Однако, на коренной праболгарской территории в приазовских степях, до настоящего времени не найден сколько-нибудь крупный пласт кочевнических погребений первой половины VII в. Это обстоятельство в значительной степени затрудняет решение вопроса об исходной территории миграции праболгар Среднего Поволжья. Фактически получается, что материалы именно этого региона в настоящее время являются наиболее ранними источниками по археологии болгар.

Вместе с тем, на юге Восточной Европы известны отдельные погребения кочевников, синхронные праболгарским комплексам Среднего Поволжья (Айбабин А. И., 1985; Круглов-Е. В., 1992; Максимов Е. К., 1956). В Северном Причерноморье известны погребения (Ковалевка, Дымовка, Портовое, Ясиново, Христофоровка, Черноморское, Сивашевка), в которых нетрудно заметить общие со средневожскими признаки погребального обряда: положение костяка, ориентировка, конструкция могилы, культ коня и т. д. Много схожего и в погребальном обряде тюрок Алтая VII—VIII вв. (Гаврилова А. А., 1965; Савинов Д. Г., 1982). Однако, сложность этой проблемы усугубляется тем, что в собственно средневожских материалах фиксируется значительная вариабельность погребальных обрядовых традиций и на уровне разных памятников, и на уровне одного могильника, и даже в пределах одного кургана.

Однако неоспорим тот факт, что керамика из курганных раннеболгарских могильников Среднего Поволжья, с одной стороны, а также посуда грунтовых болгарских могильников Волго-Камья (типа Больше-Тарханского) и некоторые группы керамики салатомаяцкой культуры, с другой, формировались на основе единых морфологических и технологических стереотипов. Изготовленные без применения гончарного круга горшковидные сосуды из погребений новинковского типа также имеют прототипы как в лепной посуде кочевнических погребений VI—VII вв. Северного Причерноморья (Сивашевка, Христофоровка) и Крыма (Наташино), так и могильников салтово-маяцкой культуры (станция Крымская). И это позволяет предполагать наличие общих корней у населения, оставившего все эти памятники.

Сегодня же можно констатировать, что в Среднем Поволжье выявлен хронологически (и типологически) новый пласт памятников середины VII — первой половины VIII в., который можно связывать с первой волной раннеболгарских переселений в этот регион.

Могильники типа Больше-Тарханского и Кайбельского могут быть связаны с новой волной болгар, переселившихся в Среднее Поволжье во второй половине VIII в. В Самарской области к кругу подобных памятников могут быть отнесены впускные погребения, открытые в кургане Золотая Нива. Приблизительно в это же время в Поволжье проникают небольшие группы финно-угорского прикамского населения, появление которых фиксируется по находкам в погребениях лепных круглодонных сосудов с примесью дробленой раковины и с многорядными отпечатками шнура на шейках. Самая ранняя находка такого сосуда проис-

ходит из погребения Бруснянского II могильника (раскопки 1995 г.). К более позднему времени (вторая половина VIII — IX в.) относится сосуд из впускного погребения у с. Хрящевка.

Этнический состав населения Самарского Поволжья в конце VIII — IX вв. усложняется за счет притока угорского населения из Приуралья, что достаточно хорошо подтверждается материалами двух погребений у разъезда Немчанка: серебряное навершие сабли (табл. 16, 1) и серебряные поясные украшения (табл. 16, 4—12) аналогичны материалам из Больше-Тиганского могильника Татарстана и из курганных могильников VIII—IX вв. Башкортостана. Видимо, к этому кругу памятников относится и погребение на 116 км в г. Самаре. В нем найдены стремя (табл. 16, 15), наконечники стрел (табл. 16, 16—20), поясной набор (табл. 16, 21, 23—25), бронзовое кольцо (табл. 16, 26). Все эти вещи также находят аналогии в позднекушнаренковских памятниках Приуралья и Поволжья.

Таким образом, территория Самарского края первой в Среднем Поволжье начала заселяться болгарами и, возможно, другими этническими группами (аланы?), продвинувшимися с юга уже в середине VII века, или даже несколько раньше. В дальнейшем этнический состав населения региона усложнился в результате притока новых этнокультурных групп (финно-угорские племена Прикамья, угры Приуралья). Следовательно, здесь протекали те же этнические процессы, что и в более северных районах Среднего Поволжья, в частности на территории Татарстана. Все разноэтнические группы впоследствии влились в состав населения государства Волжская Болгария.

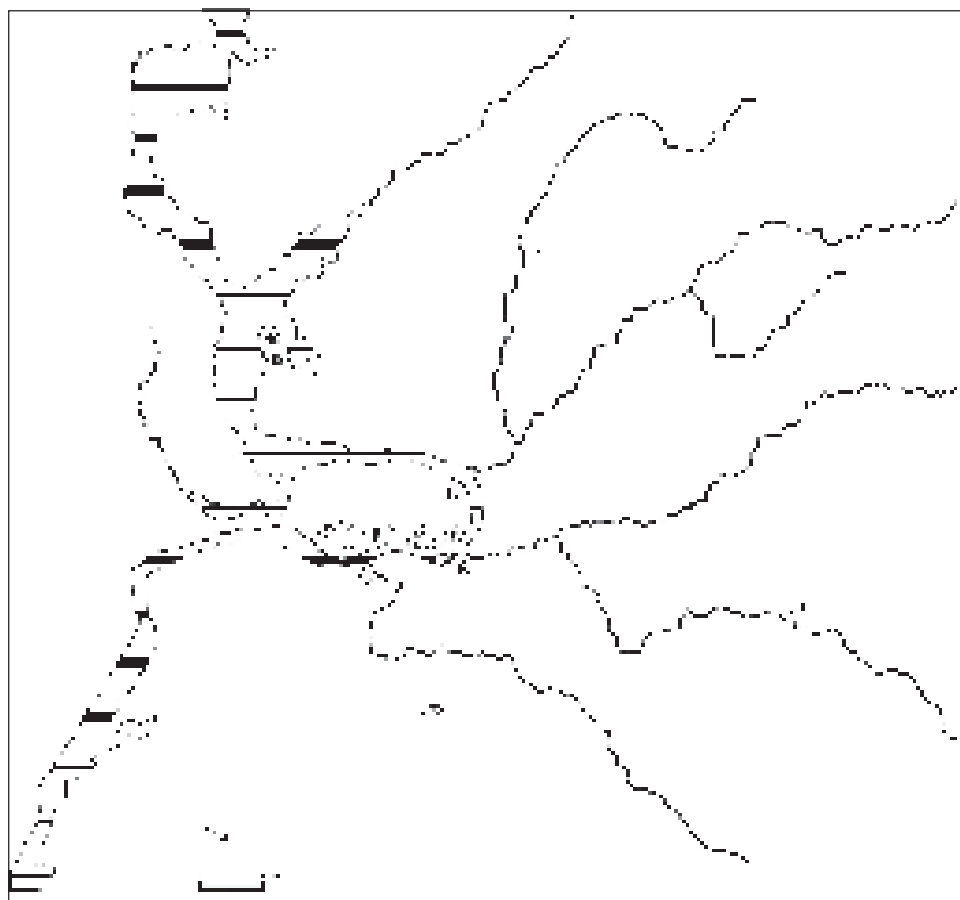
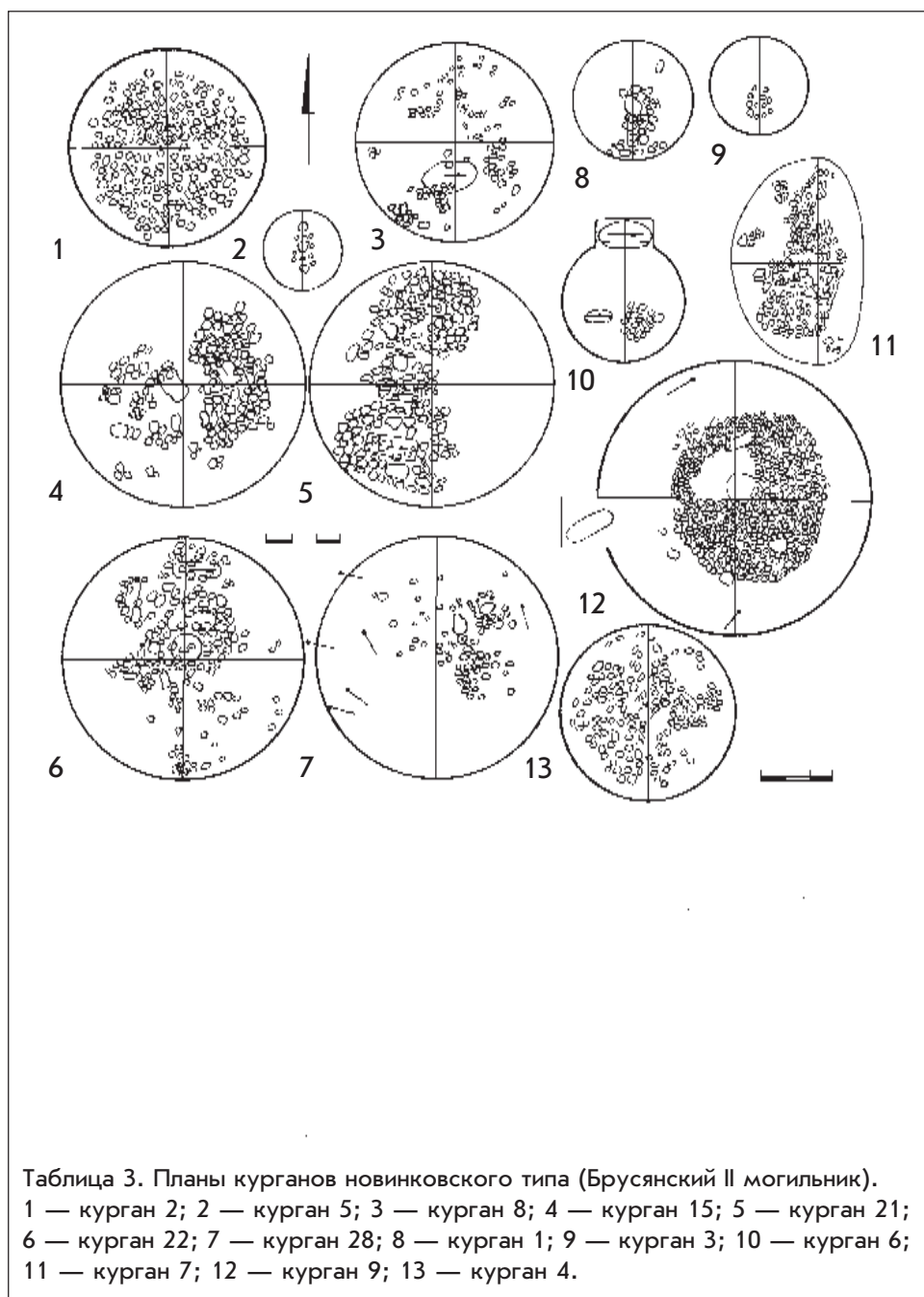

Таблица 1. Карта памятников раннеболгарского времени.

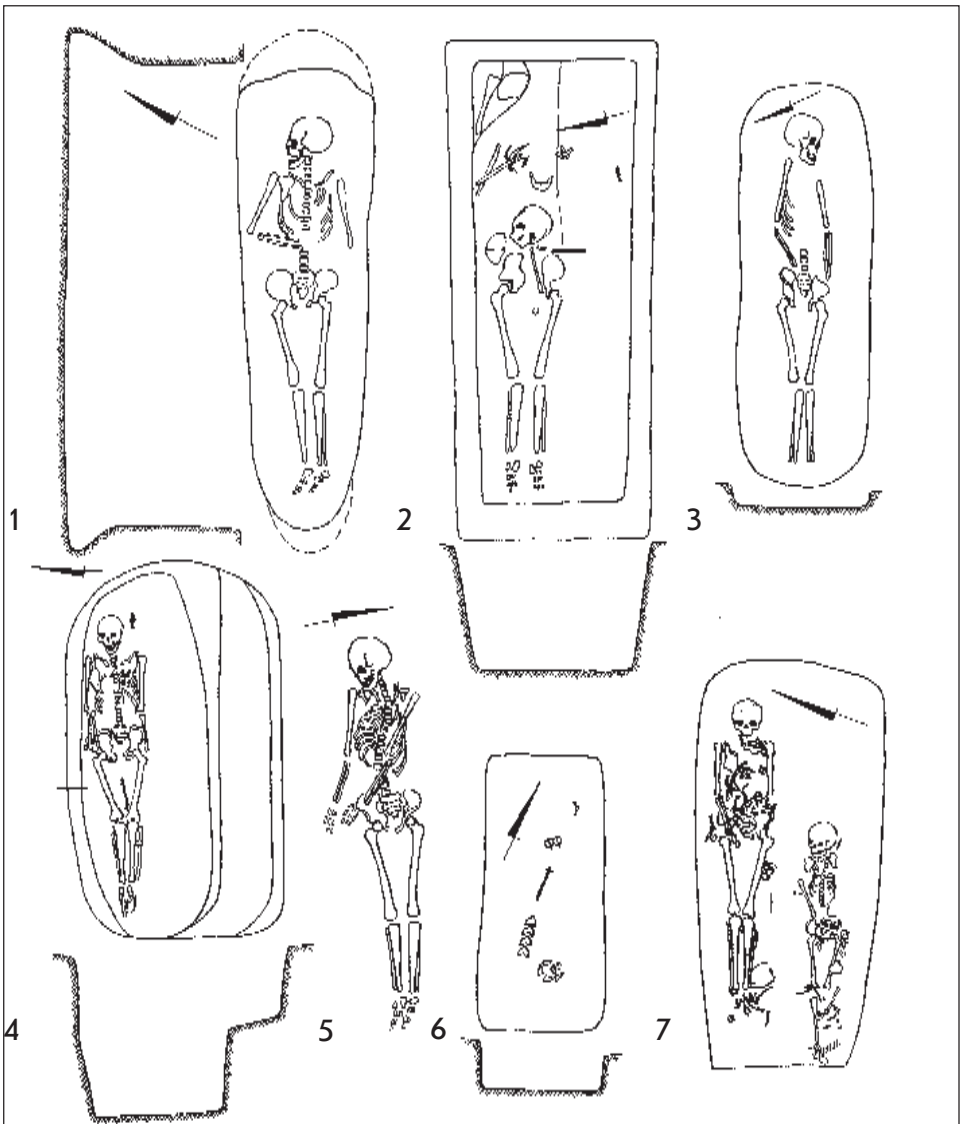

Таблица 4. Планы погребений.

1—3, 5, 6 — Брусянский II могильник (1 — к.9, п.4; 2 — к.21, п.1; 3 — к.21, п.2; 5 — к.28, п.4; 6 — к.15, п.2); 4, 7 — Новинковский II могильник (4 — к.13, п.5; 7 — к.14, п.5).

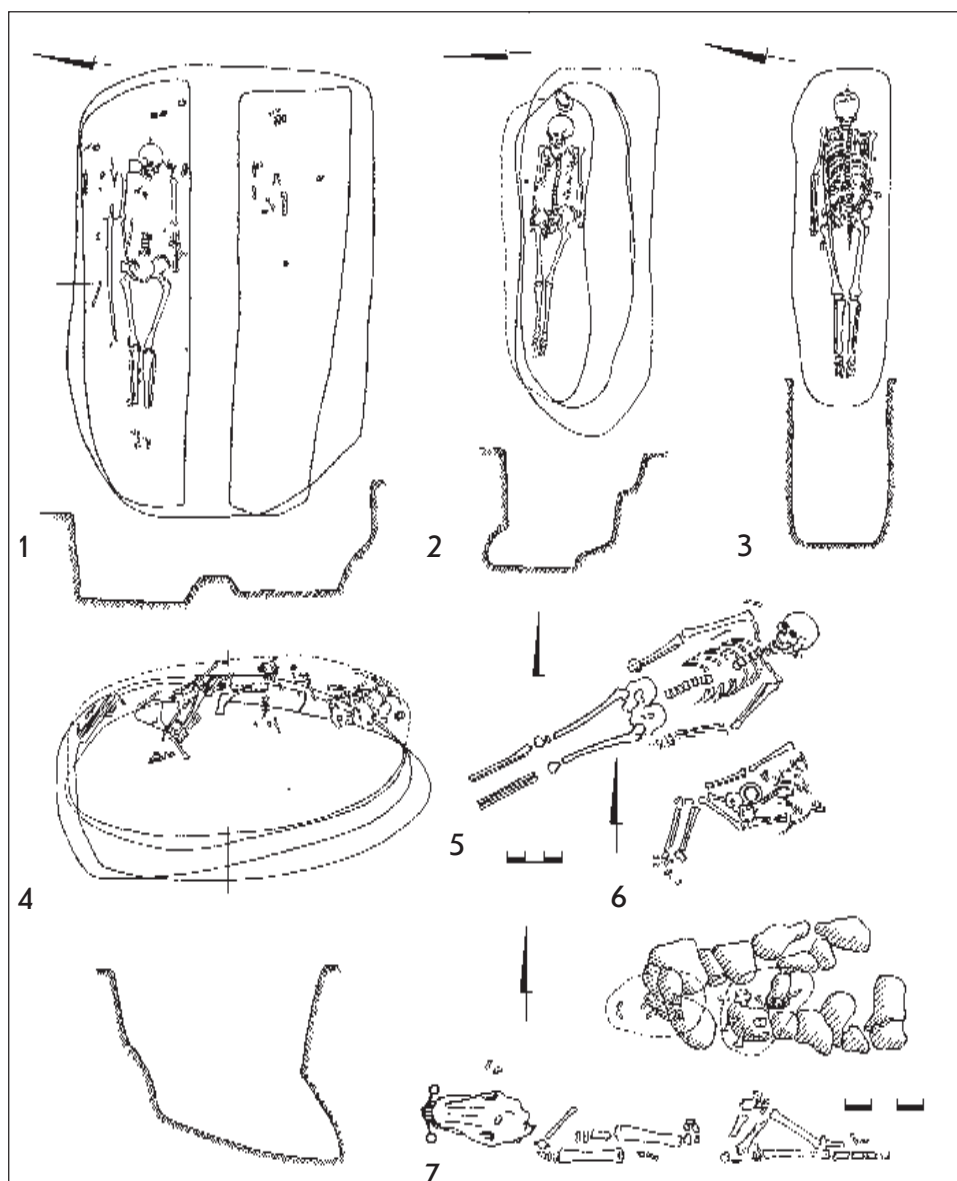

Таблица 5. План погребений.

1—4 — Новинковский II могильник (1 — к.13, п.2; 2 — к.13, п.4; 3 — к.14, п.3; 4 — к.24, п.5); 5—7 — Шелехметский I могильник (5 — п.3; 6 — п.2; 7 — п.4).

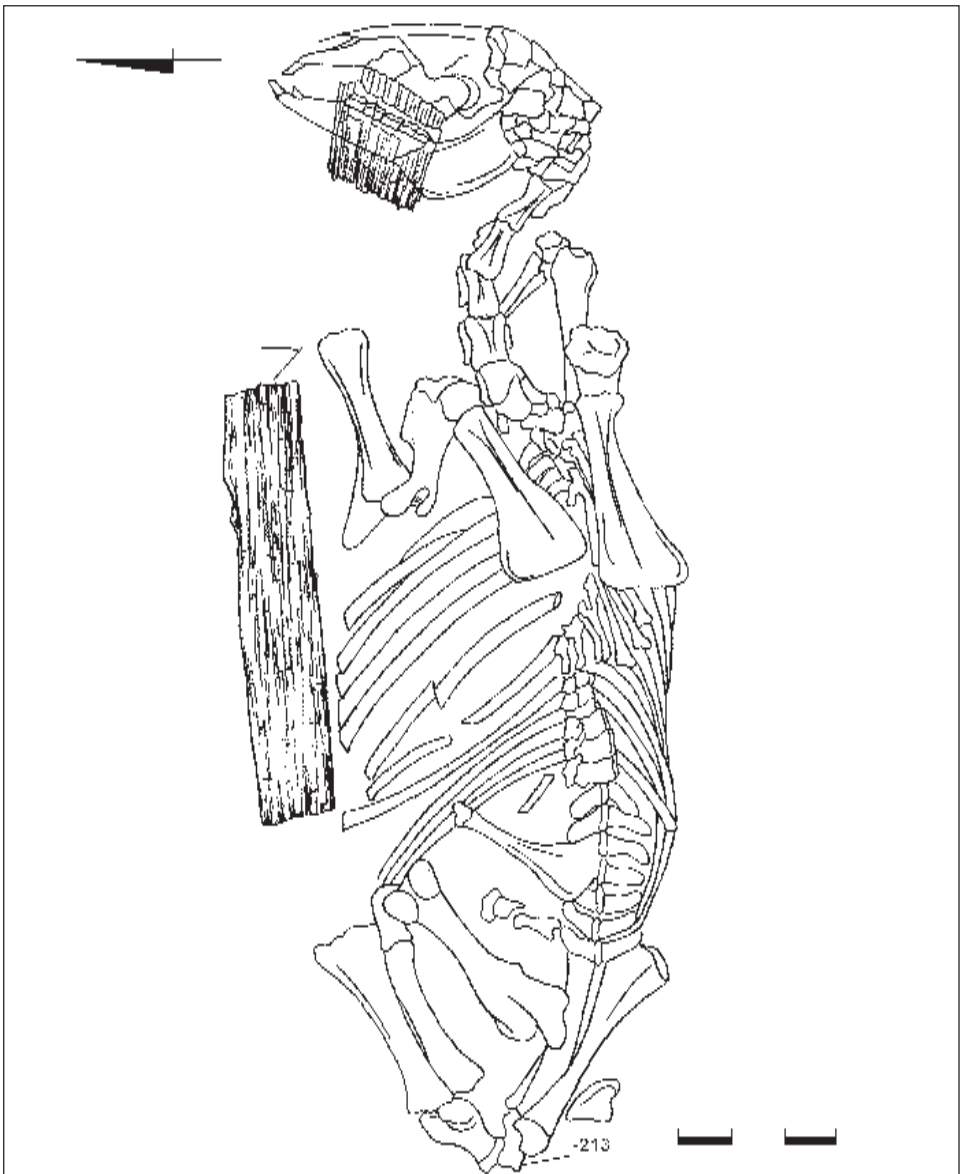

Таблица 6. Костяк лошади из погребения кургана 1 Брусянского III могильника

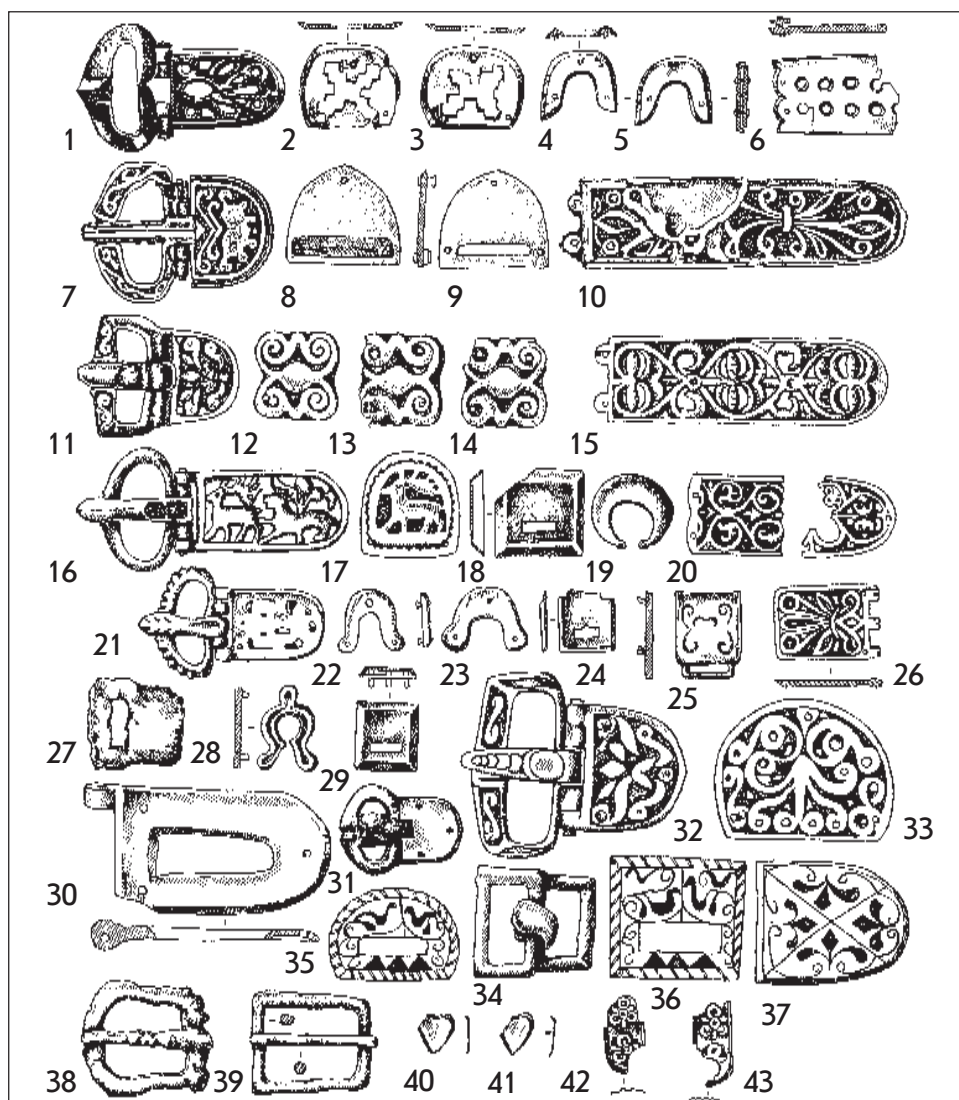

Таблица 7. Поясные украшения.

1—6 — Брусяны II, к.22, п.4; 7—10 — Новинки II, к.14, п.3; 11—15 — Малая Рязань, к.5, п.3; 16—20 — Новинки II, к.13, п.2; 21—26 — Новинки II, к.8, п.5; 27—29 — Новинки II, к.8, п.6; 30 — Брусяны II, к.13, п.1; 31 — Брусяны II, к.6, п.1; 32—33 — Брусяны II, к.14, п.5; 34 — Новинки II, к.11, п.2; 35—37 — Брусяны II, к.34, п.2; 38 — Новинки II, к.1, п.1; 39 — Брусяны II, к.22, п.1; 40—43 — Брусяны II, к.2, п.1.

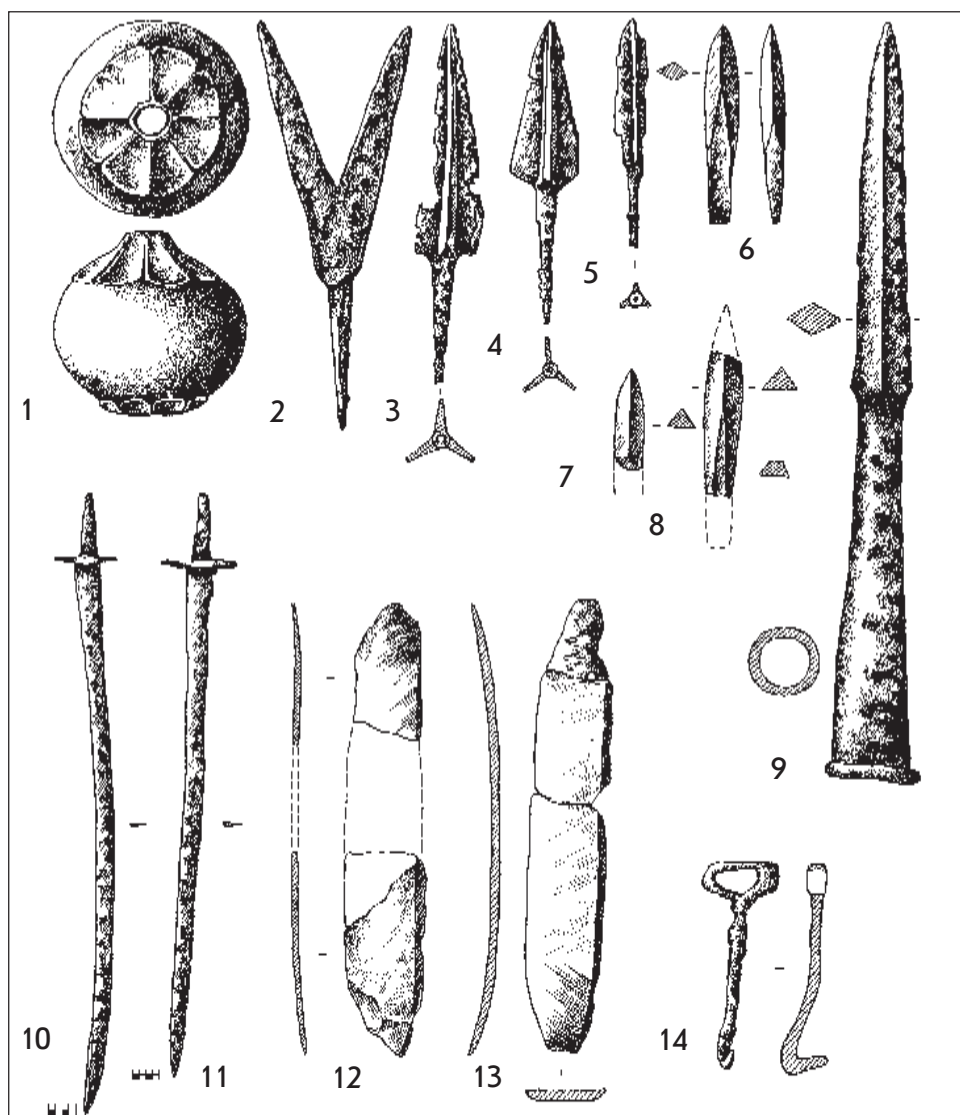

Таблица 8. Предметы вооружения.

1 — кистень (Брусяны III, к.1, п.1); 2—5 — стрелы железные (Новинки II, к.14, п.3); 6—8 — стрелы костяные (Брусяны II, к.16, п.6); 9 — наконечник копья (Брусяны III, к.1, п.1); 10 — сабля (Новинки II, к.14, п.3); 11 — палаш (Новинки II, к.13, п.2); 12—13 — костяные накладки на лук (Брусяны II, к.16, п.6); 14 — колчанный крючек (Брусяны II, к.16, п.6).

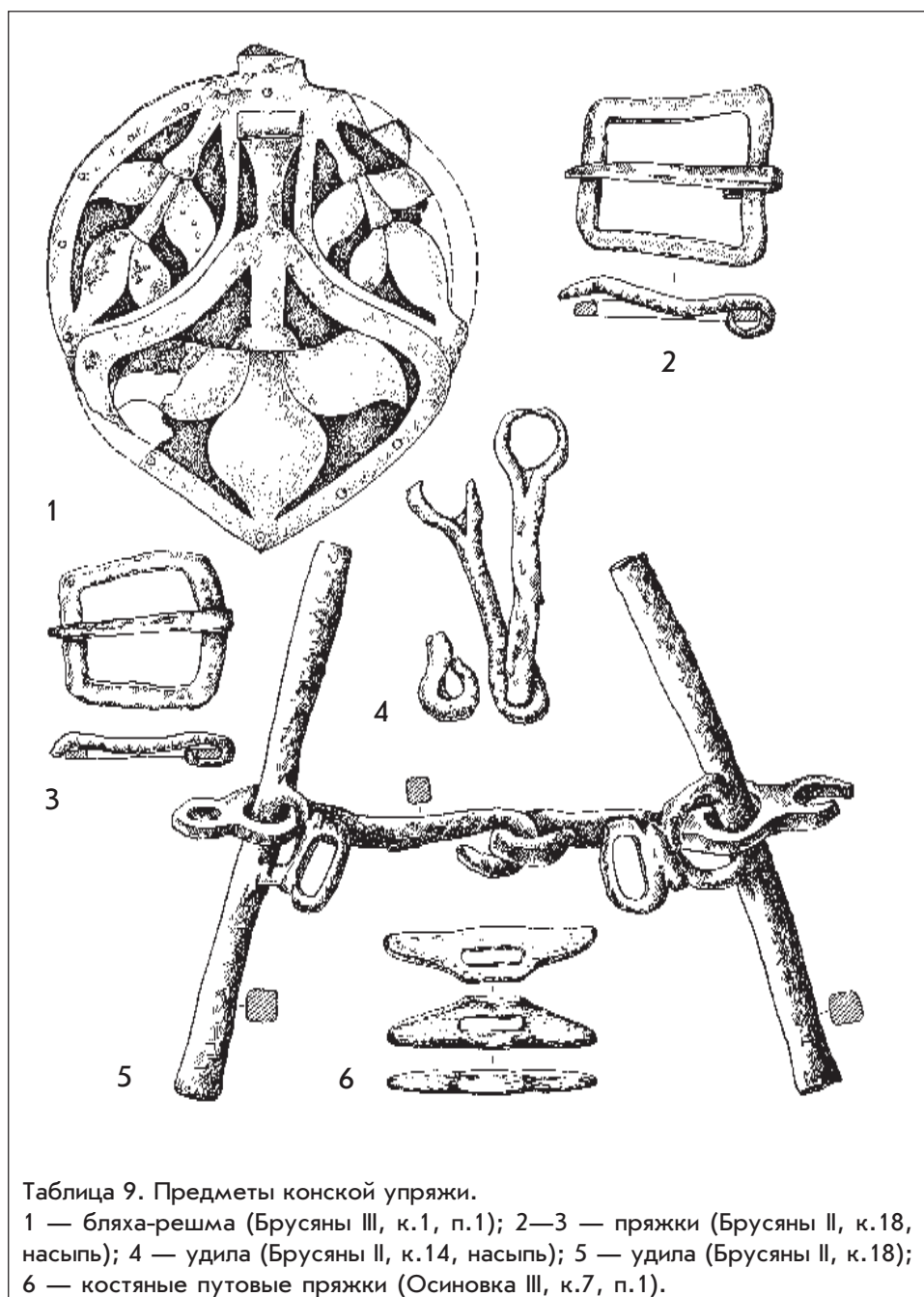
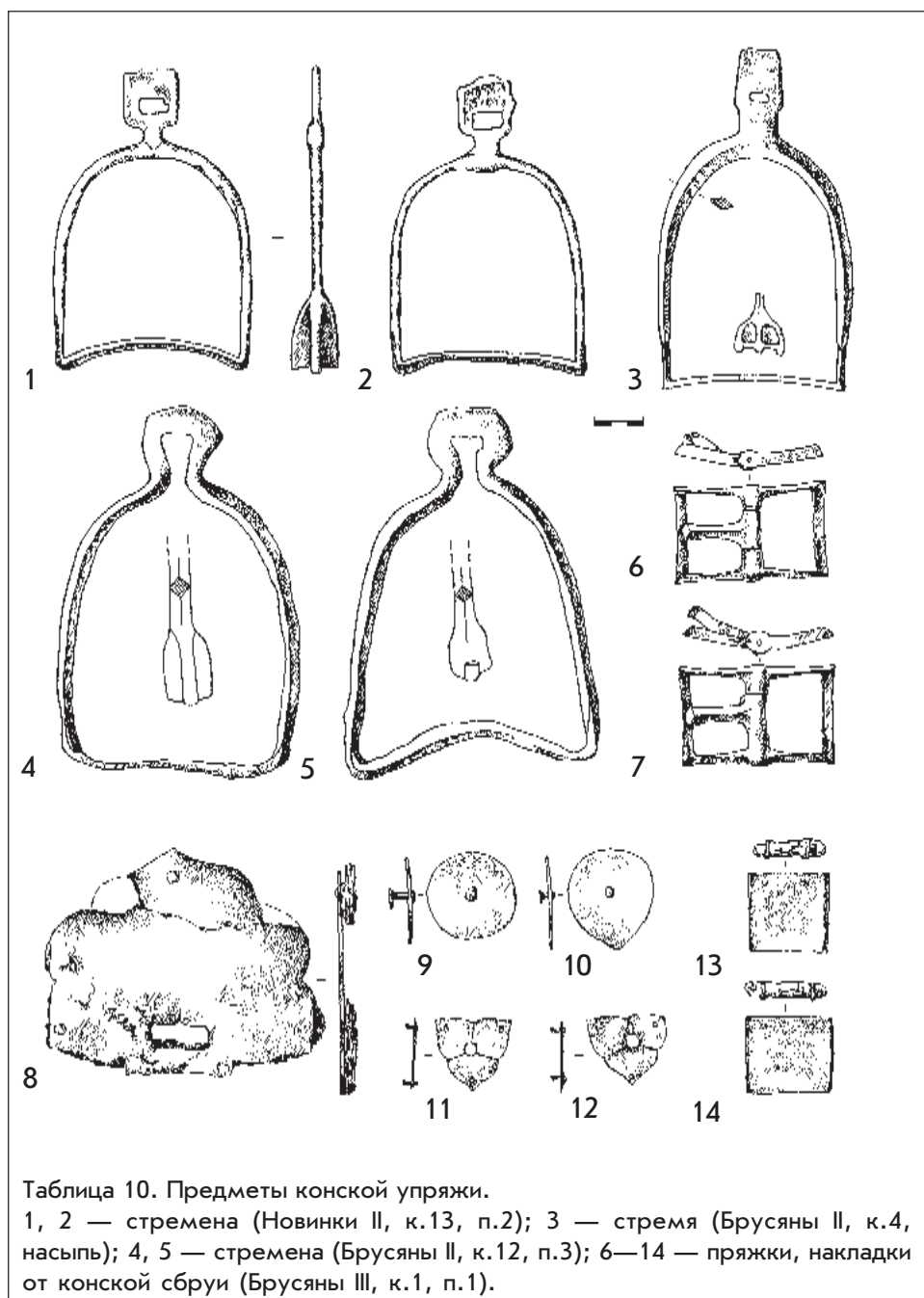

Таблица 9. Предметы конской упряжи.
1 — бляха-решма (Брусяны III, к.1, п.1); 2—3 — пряжки (Брусяны II, к.18, насыпь); 4 — удила (Брусяны II, к.14, насыпь); 5 — удила (Брусяны II, к.18); 6 — костяные путовые пряжки (Осиновка III, к.7, п.1).

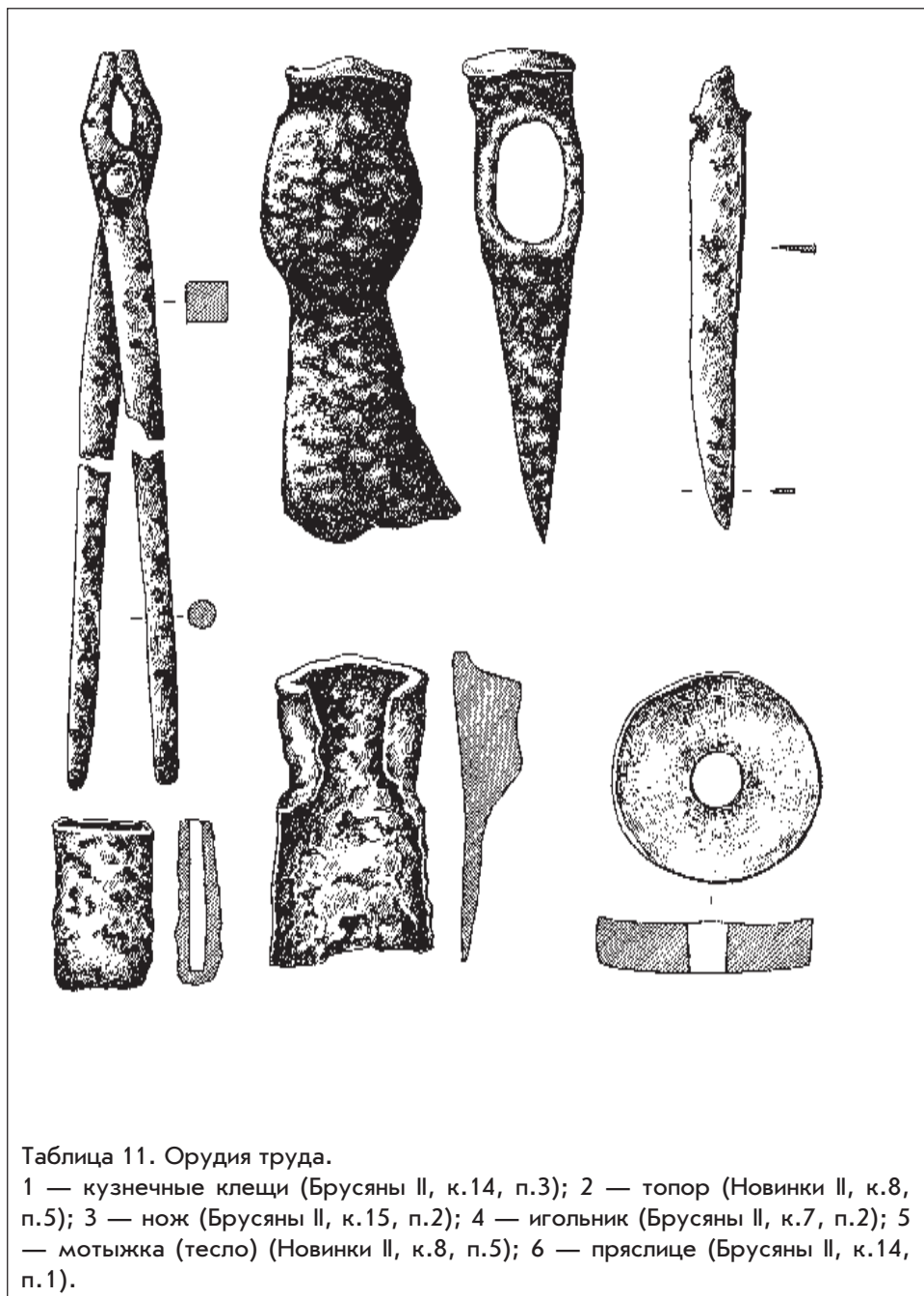

Таблица 11. Орудия труда.

1 — кузнечные клещи (Брусяны II, к.14, п.3); 2 — топор (Новинки II, к.8, п.5); 3 — нож (Брусяны II, к.15, п.2); 4 — игольник (Брусяны II, к.7, п.2); 5 — мотыжка (тесло) (Новинки II, к.8, п.5); 6 — пряслице (Брусяны II, к.14, п.1).

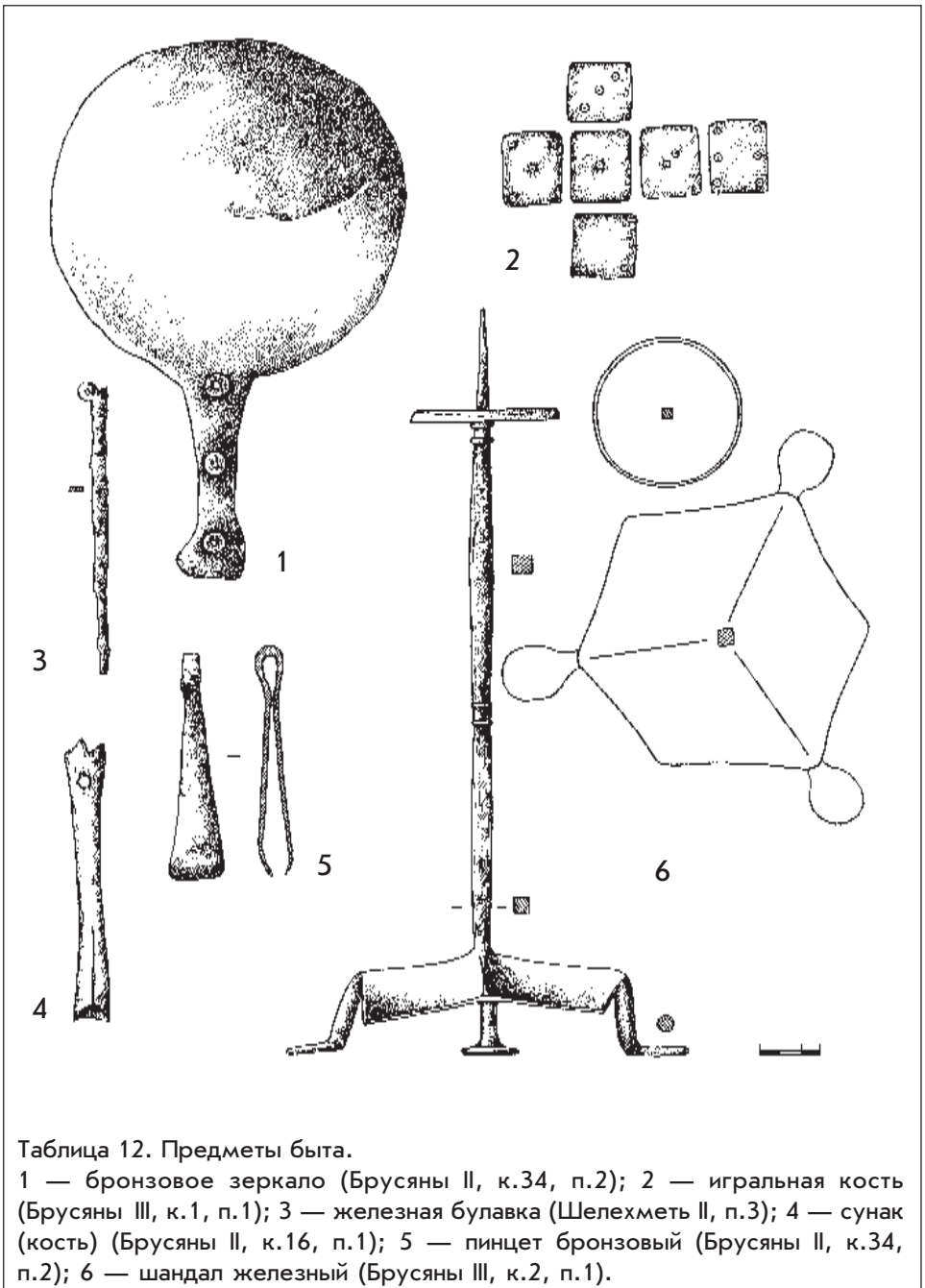

Таблица 12. Предметы быта.

1 — бронзовое зеркало (Брусяны II, к.34, п.2); 2 — игральная кость (Брусяны III, к.1, п.1); 3 — железная булавка (Шелехметь II, п.3); 4 — сунак (кость) (Брусяны II, к.16, п.1); 5 — пинцет бронзовый (Брусяны II, к.34, п.2); 6 — шандал железный (Брусяны III, к.2, п.1).

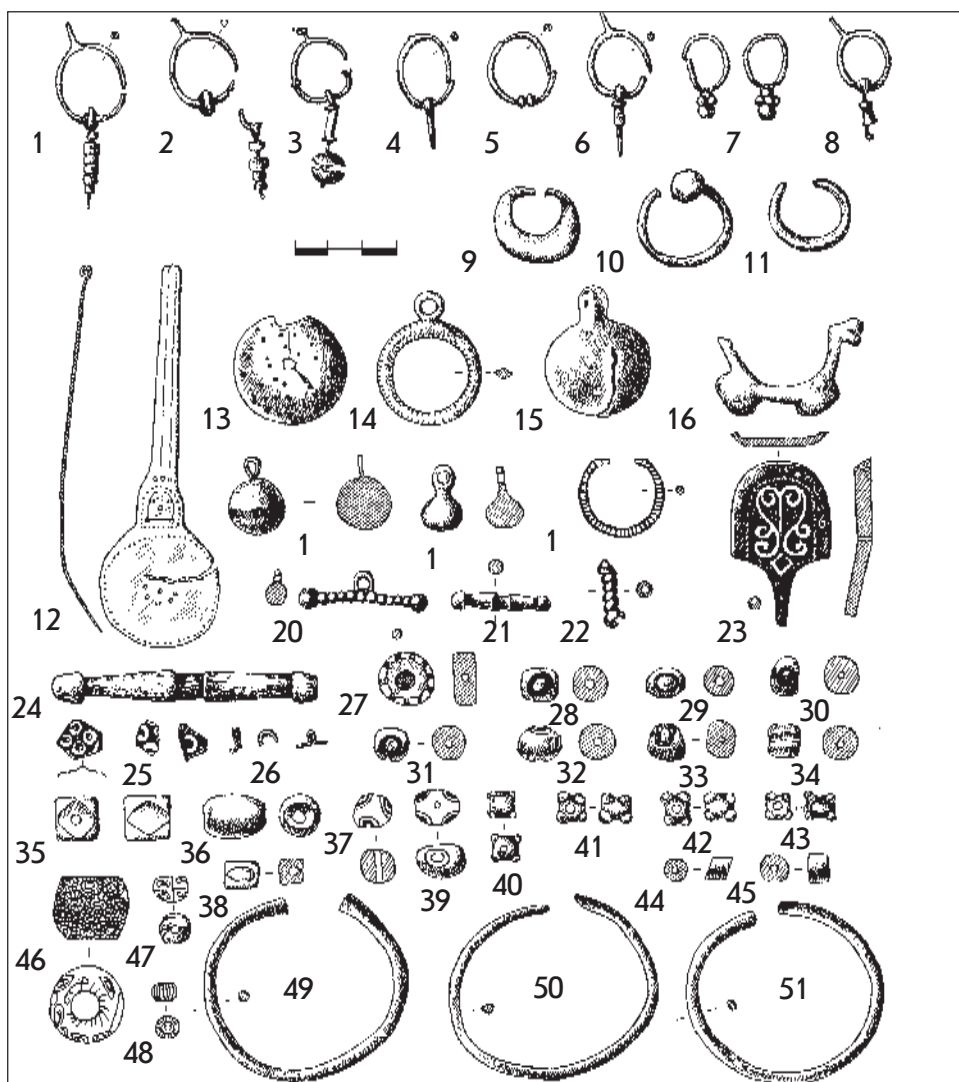

Таблица 13. Украшения.

1, 2, 4—8, 17—23, 25—34, 40—45, 49, 50 — Брусяны II (1, 2, 20 — к.15, п.2; 4, 5, 19, 21, 22 — к.21, п.1; 6, 18, 41 — к.21, п.3; 8 — к.21, п.2; 13, 23, 40, 42, 43 — к.7, п.2; 7, 25, 26 — к.2, п.1; 17, 27-34 - к.15, п.1; 44, 45 — к.9, п.1; 49—50 — к.34, п.4).

3, 9—12, 14—16, 24, 35—39, 46—48 — Новинки II (3 — к.8, п.8; 9—11 — к.4, п.2; 12 — к.8, п.1; 14 — к.14, п.3; 15 — к.8, п.6; 16 — к.4, насыпь; 24 — к.14, п.3; 35—39 — к.8, п.8; 46—48 — к.8, п.4).

51 — Шелехмель II (п.3).

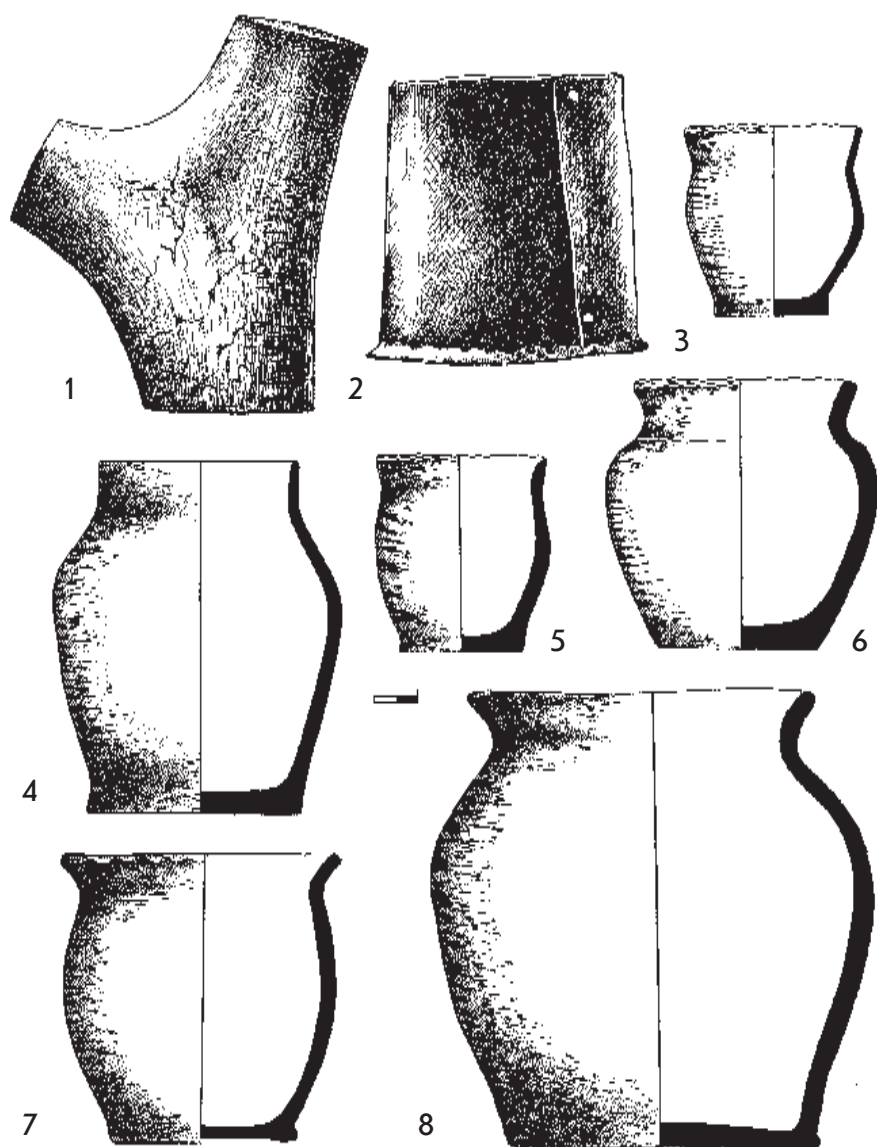

Таблица 14. Посуда.

1 — костяное горлышко бурдюка (Осиновка III, к.7, п.1); 2 — бронзовый стаканчик (Осиновка III, к.7, п.1); 3—8 — керамика из Бруснянского II могильника (3 — к.21, п.4; 4 — к.6, п.1; 5 — к.22, насыпь); 6 — к.17, п.1; 7 — к.33, п.1; 8 — к.12, п.4).

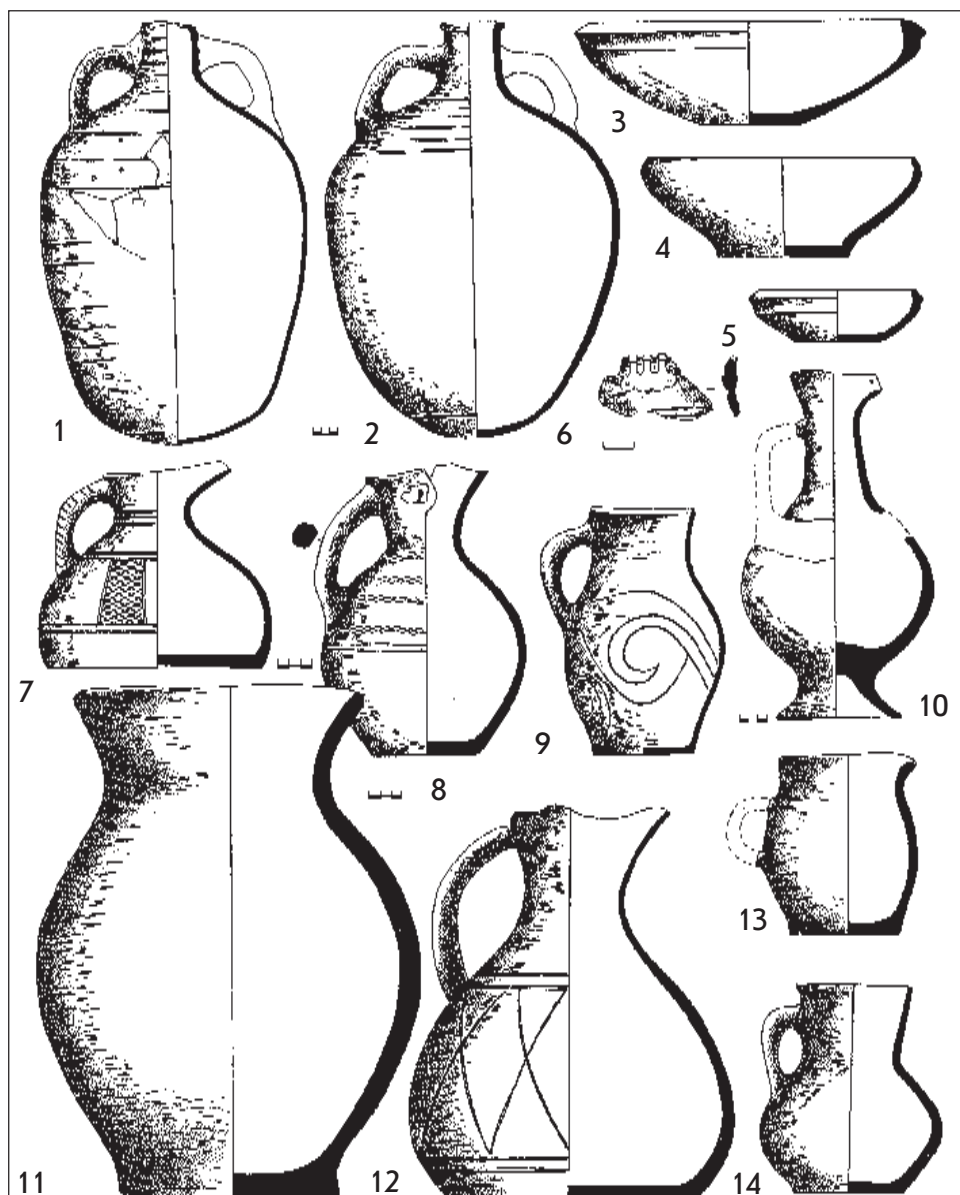

Таблица 15. Керамика.

1, 2, 6—8 — Урень II (1, 10 — к.4, п.2; 2, 6, 8 — к.4, п.1; 7 — к.2, п.2).
3—5, 9, 11—14 — Брусяны II (3—5 — к.8, насыпь); 9 — к.6, насыпь; 11 —
к.12, п.2; 12 — к.15, п.1; 13 — к.4, насыпь; 14 — к.9, п.2).

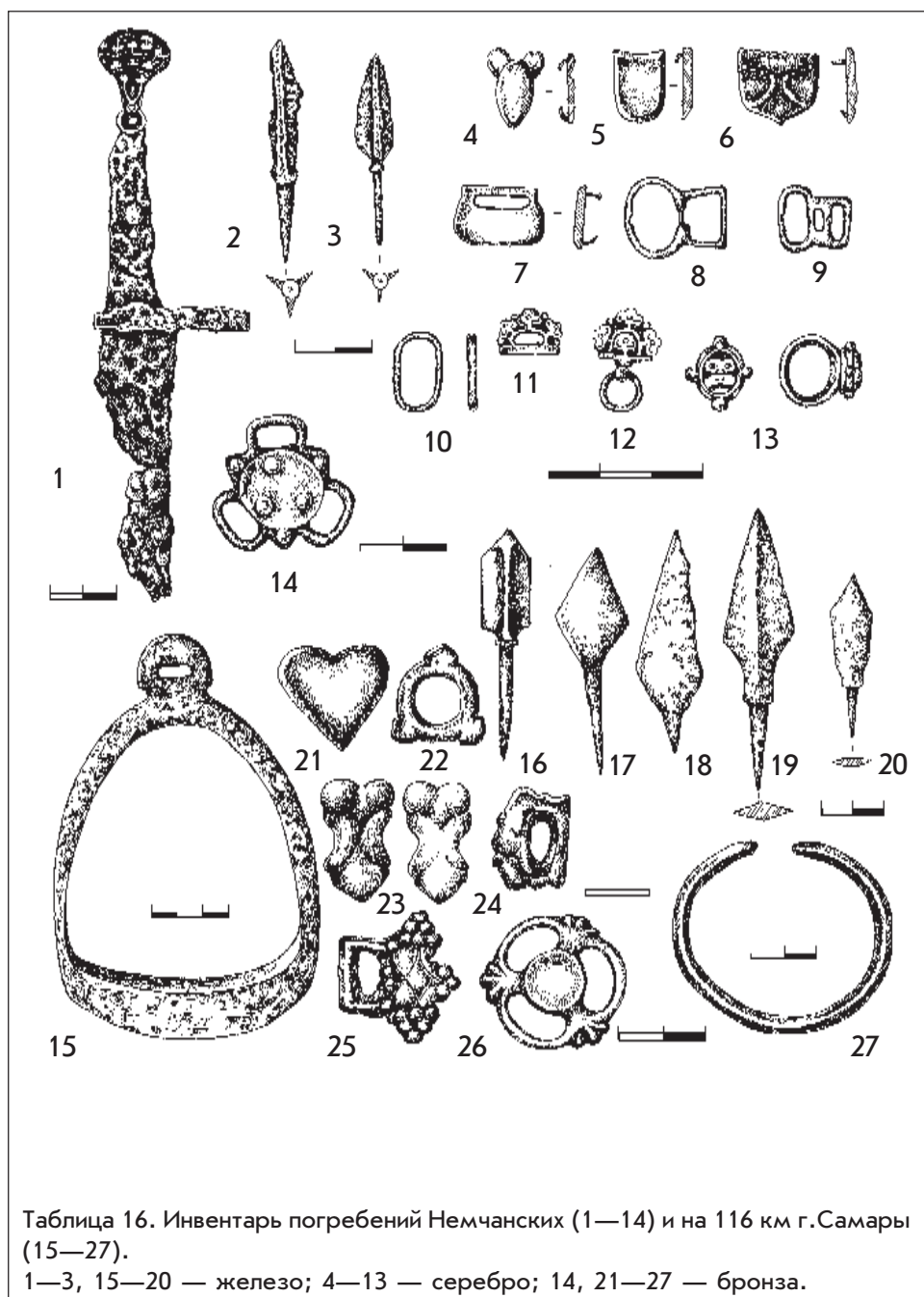

Таблица 16. Инвентарь погребений Немчанских (1—14) и на 116 км г.Самары (15—27).

1—3, 15—20 — железо; 4—13 — серебро; 14, 21—27 — бронза.

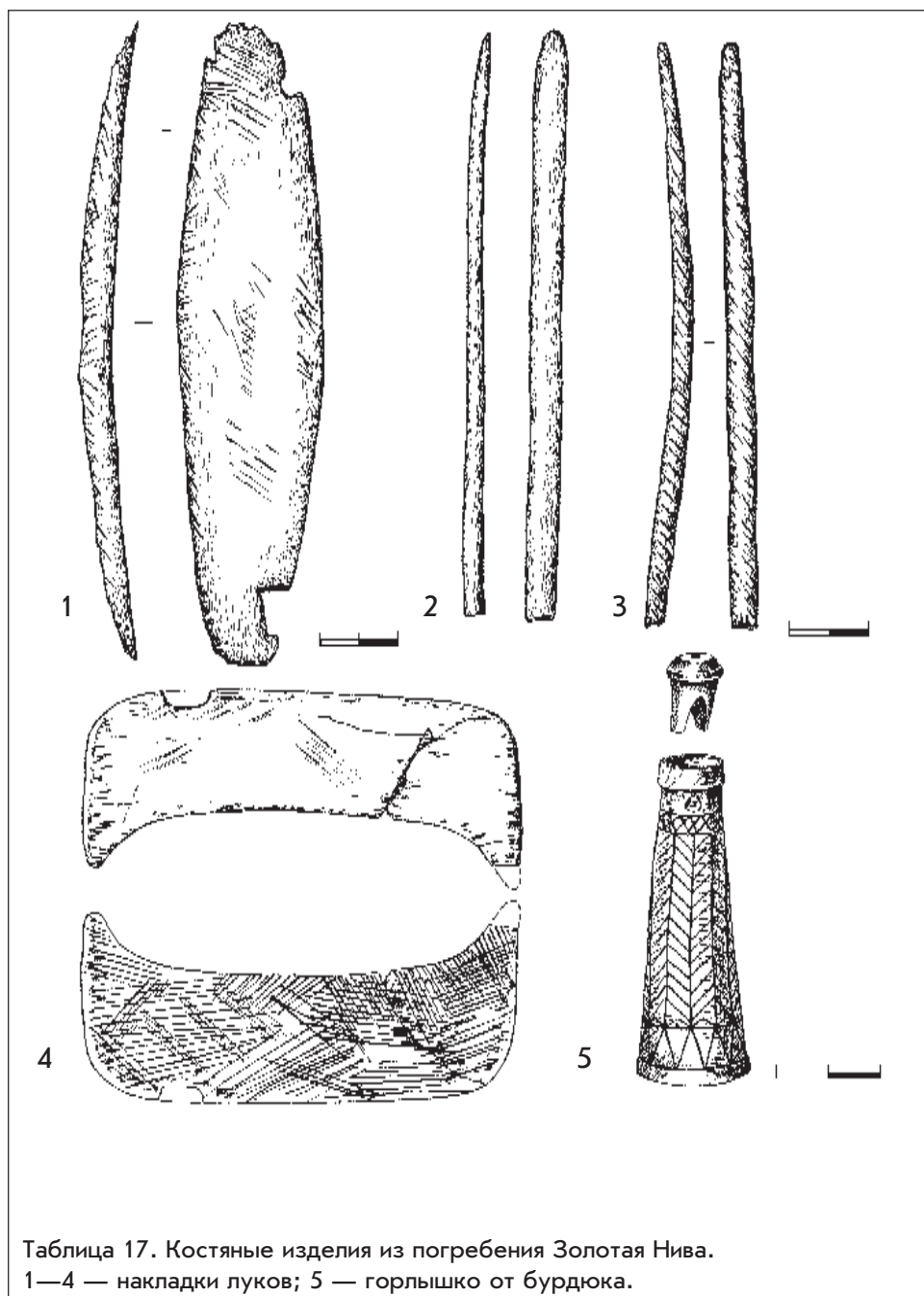

Таблица 17. Костяные изделия из погребения Золотая Нива.
1—4 — накладки луков; 5 — горлышко от бурдюка.